

Вдовец президента

рассказ

18+

Леонид Машинский

Леонид Машинский
Вдовец президента

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Машинский Л. А.

Вдовец президента / Л. А. Машинский — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Можно ли стать вдовцом президента? Можно, если президент - женщина. А если президент по виду мужчина, а на самом деле - сделан из двух женщин? На этот, а также на другие неожиданные вопросы - например, касательно географии - вы сумеете получить исчерпывающие ответы, прочитав мой рассказ.

© Машинский Л. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Меня избрали мэром Якутии. Ей Богу, для меня это было такой же неожиданностью, как и для вас. Во-первых, я никак не мог понять, почему мэром, ведь Якутия – это республика и при том самая обширная в нашей стране – тогда уж губернатором. Но нет. Мои сомнения довольно скоро разрешились. Оказывается, в Якутии есть город Оарон. Кажется, но в этом я всё-таки не до конца уверен, это её столица. Вот туда-то я был избран мэром. Собственно, никакой заметной для меня предвыборной компании не было, просто моя жена вынула из ящика письмо, прочитав которое, я узнал о своём назначении. Ну, выбрали или назначили – для меня лично значения не имеет. С одной стороны, конечно, немного странно, ведь трудно представить себе человека более далёкого от политики, чем я. А с другой... Что тут удивительного? Я недавно из одной астрологической передачи по телевидению узнал, что родился в день популярности. Вот ведь подгадал. Ну, и чему же теперь тут удивляться? Но видит Бог, я этого не хотел. Даже совсем к этому не стремился. Жил себе тихо-мирно. С другой стороны... Да разве не заслуживает моя кандидатура такого почёта? Да разве я хуже любого другого мэра? Уверен, любой, кто меня знает, скажет: «Лучше!». Может, это как раз моя ошибка, что я в мэры, и вообще ни на какие такие должности не баллотировался. Может быть, я ошибся в своём призвании? Может быть, моё призвание – послужить народу? Ну, и что ж, что неприятно всё время быть на виду? Надо терпеть. Надо жертвовать собой. Жертвенность – вот основная черта настоящего политика. Сразу припоминается Махатма Ганди, скромность товарища Ленина. А Сталин чем был хуже? У него всё было казённое. Ничего своего. И Гитлер был вегетарианцем. А как скуп был Пётр Первый. В общем, мне не стыдно было попасть в такую компанию. Правда, многие из перечисленных господ, как говорят, пролили немало крови. Но я-то вовсе не собирался её проливать. Может, я хочу стать реформатором, как какой-нибудь из наших Александров. Или, опять-таки как кто-то из этих Александров, собираюсь закончить свою трудовую политическую деятельность уходом в монастырь, а то и вовсе в безродные и безвестные скитальцы. Прямо расплачешься, придаваясь таким умильным грёзам о собственном бессеребренечестве и самоотвержении. Нет, послужить народу – это мысль. Пускай и якуту. А что? Ведь там где-то рядом есть и евреи. Целая автономная область. Вдруг мне удастся эту область к Якутии присоединить? Где евреи, там и прогресс. Евреи – дрожжи человечества – известное дело. Ой, чего мы там понаделали бы в этой самой Якутии...

Ну, стали мы с женой смотреть по карте, где этот самый Оарон находится. И название-то у него какое-то подозрительное. То же вроде не якутское, а скорее еврейское. И нашли мы этот самый Оарон на самом что ни на есть Дальнем Востоке. Там – как бы залив. И вот на одном из берегов этого глубокого, и я бы сказал, каплеобразного, залива – внутрь земли широким концом эта капля погружена – этот самый Оарон и расположен. Жена моя в географии гораздо более сведуща, чем ваш покорный слуга. Ну, я её как специалиста и спрашиваю: «Можно ли, мол, в том заливе будет купаться?» Какие-то смутные воспоминания откапывались у меня в мозгу насчёт того, что в Якутии очень холодно. А я, знаете ли, люблю купаться. Ведь как обидно было бы жить на берегу моря и не иметь такой возможности. Жена меня утешает. Говорит: «Мол, проходит там изотерма плюс восемнадцать». Значит купаться вполне можно. А что холодно, так это только зимой. Летом же купаться вполне можно. А зимой и у нас купаются только моржи. Я же – не морж. Нас с женой, правда, когда-то приглашали заняться моржеванием, но мы как-то не решились вступить в столь неожиданный новый коллектив. Моя жена вообще очень настороженно и отрицательно относится к любому и всяческому сектантству. Так что я не морж.

Ну, смотрел я в лупу, смотрел на эту самую Якутию, на этот самый Оарон, и ничего не высмотрел. Карта у нас нашлась не особенно подробная. Кое-где потёртая, физическая. Все эти изгибы, линии, все эти коричневые и зелёные цвета мне ни о чём не говорили. Однако какое-то весёлое чувство в моей душе потихоньку занималось. Давненько я не покидал дома.

«Давненько я не брал в руки шашек» – как говаривал Чичиков у Гоголя. Давненько что-то я не был мэром. И что удивительно, даже жене моей это моё весёлое чувство передалось. Уж, казалось бы, ей-то чего радоваться? Провожает мужа в далёкие края, в неизвестно какие условия, сама остаётся на неопределённый срок одна. Может, это она того – подумывала насчёт измены? Или, вернее, замены меня на другого, более подходящего? Ну, нет. Я свою жену знаю. Она не такая. Ей уж и эти-то, подходящие надоели все пуще меня. А потом... Чем я ей не подходящ? Вот же ведь стал мэром. Ну, нет. У женщины, собирающейся изменить, так глазки не светятся. Это она мной гордится, своим муженьком, моими достижениями. Она-то уж лучше других знает, как и чего я достоин. Что там мэром! И от чего меня сразу, например, не назначили губернатором? Ну, это только проформа. Ведь я не был ещё на руководящей работе. Это как бы испытательный срок, ненадолго. Сначала мэром, а через год, глядишь, губернатором. А там...

Жена меня в дорогу собирает. Чуть не плачет. Решил я незаметно в Оароне появиться. Без фанфар. В конце концов – не генеральный секретарь Компартии, не Солженицын какой-нибудь, чтобы меня на вокзале с оркестром встречали. Я хочу посмотреть на поступающие в моё распоряжение владения, так сказать, изнутри. Ну чем я хуже короля Артура, который в лохмотьях по своему королевству бродил? Посмотрю, значит это, с изнанки на народную жизнь, сделаю выводы соответствующие. Без всякой помпы, без всякого предупреждения – в мэрию. Пустят ли? Наверняка топтуны у входа начнут документы спрашивать, отгонять. А то и побьют... Вот оно! Вот хорошее начало для всех и всяческих реформ! Всё менять с самого основания! Всех заместителей – в шею! Всех секретарей – в шею! Всю охрану – в шею! Кого надо – под суд! А кого, вы меня спросите, не надо под суд? Ясное дело, всю проворовавшуюся прошлую администрацию, всю – под суд! Вот уже и начало есть. Ещё не план, но вполне разумный приём для того, чтобы, так сказать, прописаться, засветить свою личность, произвести впечатление. Они меня бить, они меня в милицию, а я им тогда, только тогда – мандат. Нет. Пусть они сами его найдут. При обыске. Ведь они меня обыскивать станут, как особенно подозрительного типа. Вдруг я террорист и собираюсь уничтожить какого-нибудь особенно ценного работника. Но с другой стороны, это ведь их работа. И если они этого не сделают, т.е. не задержат меня, не спросят документы, то ведь они нарушат инструкцию. В самом деле, откуда им меня знать? Ну, допустим, спущен факс. Но может быть, там была плохая фотография? Ой, да знаю я какие иногда, получаются эти фотографии на компьютерах. И особенно после распечатки. Небось, техника-то у них устаревшая. Вот ещё вопрос, который надо незамедлительно решать. В общем, так или иначе, мне дело найдётся. Не будем больше мудрствовать – отправимся прямо сейчас, как можно скорее, покупать билеты на самолёт. О, как дорого стоят эти билеты! Пришлось всех друзей обзвонить и назанимать выше крыши. Но я их всех успокоил: «Скоро я буду мэром, и жалование у меня будет соответствующее». Я, конечно, не буду брать взятки, но Якутия, в конце концов, один из богатейших регионов нашей Родины. В общем, друзья совершенно успокоены, жена оставлена с деньгами, которых я назанимал и на её долю, впрок, а я – уже в небе.

Но пока я летел, настроение моё изменилось. И вспомнил я – если учитывать всё выше описанное, тоже совершенно неожиданно – что имел когда-то дело с этим самым Оароном. Как я об этом мог забыть? Даже не будем обсуждать. Какая-то абберрация памяти. У вас разве такого не бывало? Так вот. Более того – оказывается, я в этом самом Оароне, родился. Но тут, по крайней мере, отпадают все вопросы, почему именно меня выбрали мэром именно Оарона. Всё закономерно и естественно: я здесь родился, закончил среднюю школу (по тем временам – лучшую в городе), и умчался в Москву, в большую и, как мне тогда казалось, лучшую, жизнь, как делали это до меня миллионы и миллионы российских мальчишек и девчонок. Я поступил в институт (вот не помню в какой), закончил его – между прочим, с отличием. Затем поступил в другой институт (по направлению партии), закончил его и стал первым секретарём комсомольской организации на одном из крупных заводов. Затем я был направлен на Украину.

После того, как Украина отделилась от России, временно остался безработным. После же этой временной и относительной безработицы – так как, имея накопленные средства, я занимался бизнесом – я вновь был извлечён из небытия моими бывшими товарищами по партии как уже проявивший себя на общественном поприще вполне состоявшийся номенклатурный работник. Последнее моё назначение было связано с тем, что маятник политической конъюнктуры в нашей стране опять качнулся влево. А может, вправо. Интересно, что имел в виду Бродский в одном из своих стихотворений? Ведь красное – это как бы лево, а соколы или, что то же, ястребы – это уж точно право. Всё очень парадоксально и непредсказуемо в этом мире, но, несмотря ни на что, у меня в голове, пока я летел над необъятными просторами нашей Родины, вырисовалась вполне понятная и наглядная картина моей предыдущей карьеры. Я, так сказать, осознал, откуда у меня ноги растут. Фрейд бы, конечно, это назвал поздней рационализацией, но какое дело нам, истинным материалистам, до какого-то Фрейда? Но тут, опять-таки пока я летел, у меня что-то начало портиться с другой стороной картины жизни. До сей поры я полагал и был уверен, что у меня есть жена, семья. Теперь... Теперь я вспомнил, что возвращаюсь *туда*. Туда, где я потерял свою единственную любовь. И чем ближе самолёт подлетал к пресловутому Оарону, тем большее беспокойство охватывало моё, по секрету сказать, не слишком здоровое сердце. Нет, это был не результат действия на кровяное давление и воображение коварных воздушных ям, вернее не только это, она... Ну, да. Я учился вместе с ней в школе, звали её, кажется, Лиза. Ну, пусть будет Лиза. Чем плохо? Бедная Лиза. Нет, это я бедный. Это я отвергнутый. И поэтому уехал в Москву. Или это я оставил её и бежал? Вот этого я не мог вспомнить. А жаль. Это многое могло бы объяснить. И значит теперь я возвращаюсь в своё прошлое. В то самое прошлое, которое столь старательно и небезуспешно пытался забыть. Вот она странная игра судьбы. Вот изыски Бога. Поделом мне. Мордюю, да об стенку! Или как там говорил у Толстого Кутузов? То есть меня развернули, то есть вернули на круги своя. И я вынужден, теперь уже на более высоком уровне, или, кто знает, может быть, на более низком (молодость, ведь прошла), решать те же свои проблемы. Проблемы никуда не ушли, проблемы остались со мной. Основная моя проблема – неразделённая любовь. Но кто виноват: я или она? Вопрос этот для меня был столь мучителен и неразрешим, что я чуть не сошёл с ума, когда самолёт пошёл на посадку. Давление всё росло и всё более нестерпимо наседало на мои барабанные перепонки. Наконец, уже когда самолёт коснулся колёсами аэродрома и когда перепонки должны были разорваться, я догадался высморкаться. Сразу полегчало. Ну, как же быть с моей любовью? Давление воздуха внутри моей головы механическим приёмом можно уравновесить с внешним давлением, но какой приём необходим для того, чтобы выровнить поток напорающих со всех сторон мыслей? Воистину, мысли носятся в воздухе и роятся в голове. Мы не всегда в состоянии соблюсти пропорцию тех и других. А известно ли нам правило, по которому составляются такие пропорции? Известны ли они вам? Вы – счастливый человек. Я же испытывал несчастье. Даже теперь, когда боль, словно морской отлив, отступала от моих пострадавших ушей. То, что было внутри меня, не понимало и противилось тому, что было снаружи. То, что снаружи – хотело прорваться внутрь. И било и стучало во все окна моего сознания. В сознании попеременно как будто то вспыхивал, то гас свет. Наконец я понял, что это всего-навсего помигивают сигнальные огни на здании аэропорта. Приехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.